

Константин Леонтьев

**А.И. Кошелев и
община в московском журнале
«Русская мысль»**

Константин Николаевич Леонтьев

**А.И. Кошелев и община в
московском журнале
«Русская мысль»**

«...Общины крестьянские очень сильны общей стихийной массой своей; но ведь давление «интеллигентного» индивидуализма в разнородной совокупности своей еще несравненно сильнее. Как ни разрозненна в своих интересах эта интеллигенция наша и как ни разнообразны в ней оттенки личных мнений – есть нечто преобладающее в ней до подавляющего большинства, это – вера в либеральный общечеловеческий прогресс, чего у простолюдина нашего, слава Богу, еще нет...»

Содержание

Константин Николаевич Леонтьев А.И. Кошелев и община в московском журнале «Русская мысль»	0004
#2	0026

**Константин Николаевич
Леонтьев**
**А.И. Кошелев и община в
московском журнале
«Русская мысль»**

В одном из последних номеров «Варшавско-го дневника», в передовой статье, посвященной почти исключительно вышеназванному журналу, редакция наша обещала представить те в высшей степени важные возражения, которые делает г. Кошелев на желание «Русской мысли» обратить *обязательную крестьянскую общину в свободный союз на основании общего землевладения.*

Вот изложение письма г. Кошелева. Как ни старались мы из «газетных» соображений сократить это письмо, но оно до того содержательно, что жалко было из него хоть что-нибудь выбросить.

Г. Кошелев, обращаясь к редактору, просит разъяснения вопросов и сомнений, возбужденных в нем некоторыми выражениями во вступительной статье к «внутреннему обзору»

нию» январской книжки названного журнала. Печатаю письмо А. И. Кошелева, редакция «Русской мысли», в предупреждение тех сомнений и возражений, которые могут возникнуть в уме читателей журнала, обещает дать «ясный ответ» на замечания г. Кошелева в следующей книжке.

Как видно из письма, г. Кошелев остановился главным образом над тем местом упомянутой статьи (стр. 88 и 89 «внутреннего обозрения»), где сказано следующее: «Надо поднять в русском народе уважение к личности, поглощенной теперь косою средою. Защищая общину, «Русская мысль» будет стоять за ее постепенное превращение в свободный союз на основе общинного землевладения; выдвигая артельное начало, наше издание выше всего поставит честный личный труд... Содействовать живому и плодотворному росту личности и отстаивать наше самоуправление – вот, следовательно, главные задачи, поставленные для внутреннего обозрения нашего журнала».

Выразив надежду, что недоумения, легшие в основу его замечаний, происходят от ка-

ких-либо недоразумений, а не от действительного разномыслия по одному из самых существенных вопросов нашего быта, г. Кошелев констатирует тот факт, что, несмотря на достаточное и даже чересчур сильное развитие личности на Западе, довольства в народе там мало, – чему очевидным доказательством служит все более и более распространяющиеся и утверждающиеся социализм и коммунизм. Главную причину этого повсеместного на Западе явления автор письма усматривает в эгоизме, который в настоящее время достиг в цивилизованной Европе геркулесовых столбов. Этот эгоизм, этот страшный недостаток в социальном или общинном духе, или, просто говоря, в любви к ближнему, является, по выражению автора, злейшею язвою, разъедающею современную общественную жизнь на Западе. Учреждение больниц, богаделен, школ и т. п., установление налогов в пользу бедных, издание законов в видах уравнивания всех граждан в пользовании всякими гражданскими правами – все это, говорит г. Кошелев, делается вовсе не по внутреннему влечению законодательствующих и рас-

поряжающихся, вовсе не из любви к ближнему, а просто «по необходимости, ради успокоения, умиротворения бедствующего люда и сохранения за властвующими и богачами ими владеемого». Приходя, на основании этих соображений, к заключению, что «настоящего общинного духа в цивилизованной Европе нет», г. Кошелев доказывает, что этот дух, к счастью, сохранился до настоящего времени на Руси. Существование это, по его словам, доказывается «не только сохранением общинного устройства в крестьянстве, но даже в нас, в интеллигенции, совершением, при нашем участии и с ущербом нашим интересам, освобождения крестьян, единогласным всех земств отзывом о распространении податных обязанностей на все сословия и живым участием, принятым нами в борьбе единоплеменников и единоверцев наших на Балканском полуострове, за освобождение их от турецкого ига». При этом автор спрашивает: где в цивилизованной Европе страдания славян возбуждали такое бескорыстное сочувствие, основанное лишь на внутренней потребности помочь ближнему? «На наших гла-

зах, – говорит он, – почти все – английская, французская и немецкая – журналистики высказывали сочувствие туркам угнетающим, а не угнетенным славянам. И все отчего? Оттого, что там личность, ее требования и стремления донельзя развиты, что эгоизм там преобладает и что до других людей там никому нет никакого дела».

Г. Кошелев, однако, вовсе не против *личной* деятельности, личной свободы, личной самостоятельности; напротив того, «мы глубоко убеждены», говорит он, «что без них не может быть и *общинной* деятельности, свободы и самостоятельности; но первые существуют и развиваются в человеке сами собою, а последние хотя человеку и прирождены, но лично в нем подавляются как внешними обстоятельствами, так и собственными его себялюбивыми влечениями».

Переходя затем к общине в России, г. Кошелев говорит, что, к великому счастью, общинное устройство, общинное землевладение, а пуще всего – общинный дух сохранились у нас в крестьянстве; что наша интеллигенция долго не хотела и знать их, а потому

и не могла их ценить; даже всячески старалась – славу Богу, безуспешно – им противодействовать и их искоренять, считая их «остатками варварства, препятствиями к нашему развитию и преуспеянию»... «Теперь, – продолжает автор, – в деятельности нашей интеллигенции происходит поворот: она ищет узнать общину, чувствует к ней любовь и уважение и желает содействовать ее усовершенствованию». Почему же, однако, интеллигенции нашей так трудно проникнуться духом общины? Г. Кошелев говорит, что интеллигенция видит только «факты, отдельные достоинства и недостатки общины», потому что изучает ее «по внешним ее явлениям» и смотрит на нее «в свои еще иноземные или искусственно изготовленные очки»; а это, по мнению автора, происходит главным образом оттого, «что наше общинное устройство, хотя в существе своем совершенно просто, но в применениях к делу чрезвычайно разнообразно». К сожалению, этого разнообразия, а главное того, что «одно в нем существенное есть дух, его одушевляющий, дух братства, покорности власти и глубокой пре-

данности Церкви Христовой», многие из говорящих и пишущих об общине, и даже из людей душевно и умственно к ней расположенных, не сознают. Так, говорит автор, «крестьянские миры, на сходах, делят землю, разлагают сборы и повинности и устанавливают разные внутренние порядки вполне своеобразно, а вовсе не по одному какому-либо шаблону», так что часто «смежные общества действуют в этом отношении так, как будто тысячи верст их разделяют. Для крестьян главное – установить свои дела так, как для них уравнильнее, удобнее и справедливее, и они вовсе не заботятся об однообразии и приглядности их порядков и о том, чтобы они были угодны посторонним». «Правда, – прибавляет г. Кошелев, – теперь, по милости волостных писарей и присутствий по крестьянским делам, вводится бюрократизм и в крестьянском самоуправлении; правда, теперь в угоду начальства, по требованиям старшин, составляются странные, часто нелепые приговоры, но тут община ни при чем: сила соломой ломит, сила – уму могила»...

Далее автор ставит вопрос: существует ли

В действительности тот общинный гнет, от которого наша интеллигенция в настоящее время стремится освободить личность, и не более ли он воображаемый, чем действительный? И там, где он и имеется на деле, исходит ли он из существа общины или из злоупотреблений, в нее вкравшихся? «Разве в конституционных монархиях и республиках, – говорит г. Кошелев, – не бывает гнета, тирании одних над другими и разве можно, ради этих случайных обстоятельств, осуждать эти образы правления и приписывать им то, что вовсе из их существа не истекает?» «В существе нашей общины, – продолжает он, – вовсе не заключается гнета над личностями, а, напротив того, в ней имеется не только полная их независимость, но и полная их самостоятельность, без чего и сама община хиреет и ослабевает... Самовольщики возможны только потому, что наш народ пригнут нуждою, безграмотен и что сперва и долгое время крепостным правом, потом посредниками, а теперь исправниками и непременно членами он приучен ко всевозможным самоуправствам и нарушениям справедливости». На на-

стоящих крестьянских сходках, говорит г. Кошелев, особенно в северных губерниях, дела решаются просто, разумно и согласно с личною волею лучших людей общества. Автору случалось присутствовать при суждении крестьян и по делам, подлежащим решению по совести, и по делам, где выгода и удобство имели главное значение. «По первым, – говорит он, – решения были скорые и почти единогласные; по последним дольше спорили, иногда откладывали постановление приговора до другого дня, но все-таки решали умно и согласно желаниям большинства. Большинство же высказывается тем, что меньшинство – или умолкает, или уходит домой. Конечно, бывают решения и несправедливые, и нелепые, но, спрашивает автор, «разве парламенты, советы, собрания и комиссии в этом отношении безупречны и непогрешимы?»...

«Не преобразовывать, не регламентировать нужно общинные учреждения или устройства, не превращать их во что иное, – говорит г. Кошелев, – необходимо нам их изучать и проникаться их духом. Они, конечно, должны развиваться и совершенствоваться,

но сами собою и из своего собственного существа. Они вовсе не страдают косностью: по местным и временным требованиям они изменяются; в их обычае только нет погони за единообразием и за регулированием будущего. Мы, конечно, не должны оставаться безучастными в этом деле; как люди более развитые, более властные и более достаточные, мы обязаны помогать нашим «меньшим братьям» и советом и делом; но прежде всего нам необходимо оставить за порогом наше высокомерие и высокоумудрие, приобщиться того духа, которым живет община, и тогда – но только тогда – мы получим возможность действовать не во вред, а в пользу общины, ее устройства и основанных на ней учреждений».

Затем г. Кошелев обращается к мысли, высказанной в вышеприведенных словах из внутреннего обозрения «Русской мысли», о «постепенном превращении общины в свободный союз на основании общинного землевладения».

По мнению автора, невозможно, чтобы община перестала быть обязательною и стала

свободным союзом, – хотя все те, которые не желают долее в ней оставаться, должны иметь право выхода из нее. «Это, – говорит г. Кошелев, – тем невозможнее, что в вышеупомянутом определении сказано: *вольный союз на основании общинного землевладения*. Землю поделить по дворам – нетрудно, хотя, конечно, нежелательно; но иметь свободный союз людей на основании *общинного землевладения*, которого лучшее и важнейшее свойство заключается в *неотчуждаемости земли* и которое служит вернейшим залогом прочности и незыблемости общины, это просто непонятно. Земля остается общинною, а люди могут разойтись по сторонам, или община может всегда свою землю продать и разбрестись!.. «Едва ли, – говорит автор письма, – такой порядок желателен и в государственном, и в общественном, и в частном отношении. Такая община была бы собранием, товариществом, случайно и произвольно состоявшимся и ежечасно могущим разойтись, – зданием, на песке выстроенным. Думаем, что тут или мы не поняли г. В. Г. (автора вступительной статьи к внутреннему обозре-

нию январской книжки «Русской мысли»), или он неточно выразился».

По поводу слов «выдвигая вперед артельное начало, наше издание выше всего поставит честный труд» г. Кошелев, глубоко сочувствуя условию честности труда и думая, что всякий труд личный, артельный и общинный, если он честен, заслуживает полного и равного уважения, отказывается понять, почему в вышеприведенных словах «личный труд поставлен особняком и выше всякого другого труда». «Если крестьяне на сходе решат выкопать пруд, или устроить плотину, или соорудить какое-либо здание или городьбу, – говорит г. Кошелев, – то почему такой общий труд должен считаться ниже личного? Тут опять недоразумение между нами и г. В. Г.».

Вслед за превращением общины в вольный союз в статье говорится о «выдвигании вперед артельного начала». Г. Кошелев спрашивает: нет ли тут предположения превратить общинное начало в артельное? «Общинное и артельное начала, – говорит он, – совершенно различны; они, конечно, друг друга не

исключают [1] ; но «вовсе не желательно, чтобы общинное начало превратилось в артельное»... Артель есть вполне свободный союз, в который люди входят и из которого они выходят совершенно по своему произволу... В общине люди рождаются, растут и имеют свою оседлость, своих родных и общие с ними связи и обычаи. В артель люди сходятся; артелью производят они известные работы, получают условленные деньги, делят их и – расходятся по своим домам»... «Неужели, – спрашивает автор, – и община должна превратиться в такой временный, произвольный союз? Тогда что станется с крестьянскою устойчивостью? Где государству и народу обрести основы для своей самобытности и твердости? Не русская ли община удерживала и удерживает нашу самостоятельность?»

В заключение своего письма г. Кошелев, по поводу признания автором разбираемой им статьи одной из главных задач «Русской мысли» «содействовать живому и плодотворному росту личности», выражает мнение, что «личность растет у нас успешно во всех состояниях и без содействия нового журнала». «Уж не

чересчур ли, – говорит он, – она развилась и развивается на Руси и по образцам иноземным, и по собственным измышлениям, вследствие разных подавляющих ее общественных недугов?.. Весьма желательно, совершенно необходимо наше обновление и животворение в нравственном нашем быте, и в этом отношении добрым, надежным пособием может быть безотлагательное и, по возможности, полное перенесение и водворение в наш быт того общинного или общного духа, который сохранился в крестьянстве и который проявляется у нас вообще в великие эпохи нашей народной жизни». Стремление, содействие к разрешению такой задачи, думает г. Кошелев, и вполне настоятельно, и вполне достойно такого издания, как «Русская мысль».

Таковы возражения г. Кошелева в защиту *обязательности* нашей крестьянской общины или, точнее сказать, *обязательности общинного землевладения*. Редакция «Варшавского дневника» вполне согласна с мнением г. Кошелева о том, что нельзя ни предоставить крестьянам права продавать или вооб-

ще отчуждать свои участки, ни дать им полную волю заключать или разрывать, как угодно и когда угодно, поземельные союзы. Здесь, кстати, заметим следующее: самая, можно сказать, *нелиберальная* из реформ нашего времени в России – это реформа крестьянская, и она-то и оказалась самой, так сказать, *счастливою*. Освободивши крестьян от *личной* власти помещиков, Закон оставил их и *прикрепленными* к земле, и в большой зависимости от *мира*. Закон, так сказать, утвердил эту все-таки *принудительную* или *стеснительную* форму людских отношений. И что же мы видим: именно в крестьянском слое, т. е. в классе людей менее других *свободных* (по крайней мере, с *хозяйственной* или *экономической* стороны), мы находим *больше охранительной твердости*, *больше верности преданиям*, *больше даже государственного инстинкта*, чем в тех общественных слоях наших, которым *предоставлена полная свобода беднеть, богатеть, продавать и покупать личную собственность, менять место оседлости и так далее*. Не есть ли эта чрезмерная *неустойчивость собственности, места жи-*

тельства и т. п. одна из главных, хотя и не ясно еще понятых причин общего расстройтва дел не только у нас в России, но и во всей Европе? Либеральному строю обществ и либеральному движению умов всегда и везде сопутствует в сфере экономической господство *подвижного капитала* или, проще говоря, *денег*. По особым, местным причинам, у нас переход от строя сословного (или корпоративного в своем роде) к гражданскому равенству и несравненно большей, против прежнего, личной свободе сопровождался особенно сильным потрясением *личных* состояний. На Западе (где почти внезапно после отмены привилегий дворянства, а где более постепенно) выдвинулся на место дворянства солидный, твердый, издавна привыкший к труду и экономии слой одинаково с дворянством образованной *буржуазии*, – он был давно уже готов, но дворянство его только заслоняло. У нас само дворянство, лишившись привилегий своих, обратилось в трудовую буржуазию, не имея к тому ни подготовки, ни подходящих преданий. Оно прекрасно и благородно несет свою историческую судьбу; но все-таки нель-

зя забывать, что положение, которое было легко сыну французского фермера и немецкого подмастерья, – вовсе не легко русскому дворянину, выросшему на хлебе дарового труда!

Мы хотим, говоря это, напомнить об одной из главных, быть может, причин чрезмерной подвижности и неустойчивости и экономической, и *умственной* в среде нашей интеллигенции.

В этой «интеллигенции» господствует полный *индивидуализм* интересов и собственности; она *либеральна*, тревожна и растеряна; *общины* крестьянские *прикреплены* законом к земле; в них личность связана волей *мира* и различными обязательствами, из общинного устройства *принудительно* вытекающими; эти общины – устойчивы, охранительны, надежны.

Но устоят ли *миры* надолго, когда на стороне *индивидуализма* больше власти, больше денег, больше образованности? Вот в чем опасность. Не *подкрадется* ли и к ним либеральный индивидуализм какими-нибудь окольными путями и даже сам *не сознавая* того, что он делает? Напр., посредством нелов-

ких действий в земстве, или в среде самой администрации, или посредством неправильного духа школ?

Общины крестьянские очень сильны общей стихийной массой своей; но ведь давление «интеллигентного» индивидуализма в разнородной совокупности своей еще несравненно сильнее. Как ни разрозненна в своих интересах эта интеллигенция наша и как ни разнообразны в ней оттенки личных мнений – есть нечто преобладающее в ней до подавляющего большинства, это – *вера в либеральный общечеловеческий прогресс*, чего у простолюдина нашего, слава Богу, еще нет. В числе русских людей, получивших более или менее общеевропейское образование, конечно, есть и такие, которые в более развитой и утонченной форме разделяют мировоззрение простолюдинов и *отвергли* в уме своем то, до чего еще простолюдины и не пробовали доходить. Но таких людей, нам кажется, еще очень мало, и не они берут верх постоянно в движении умов. Вот что страшно!

И «хозяева» наши, не все, разумеется, одарены тем серьезным государственным смыс-

лом, который обнаруживает А.И. Кошелев, защищая *обязательный* строй общины. *Очень многие* предпочли бы *свободное батрачество*, *индивидуализм бедности* для более дешевой обработки своих полей. Они думают только о ближайшей, «завтрашней», так сказать, выгоде своей. Они не умеют предвидеть того, *что было бы дальше*, если бы половина или даже две трети всего крестьянства, распродав участки свои, обратились бы в батраков и бродяг. Вот тогда-то бы настало раздолье агитаторам!..

Будем надеяться, что Россия *обойдет* как-нибудь *по-своему* хоть этот подводный камень и, выждав то время, когда Запад совершенно уронит себя в глазах наших образованных, но *чем-то ослепленных* до сих пор людей, выйдет на свой собственный исторический путь. По нашему мнению, одним из главных призваний славянства должно быть именно постепенное уничтожение в среде своей того свободного *индивидуализма*, который губит все современные общества... Чтобы выразиться яснее, вообразим себе, рядом с крестьянскими мирами, сравнительно бед-

ными, безграмотными или мало образованными, другие общины, богатые, просвещенные и вместе с тем религиозные; свободно, положим, вначале собравшиеся, но вследствие гнетущей, однако, силы обстоятельств постепенно потом сложившиеся не в простые, обыкновенные ассоциации, подвижные и неосновательные, как и всё собственно нынешнее, а в корпорации обязательные и строгие, напр., как бы вроде монастырей, но с семейным характером. Такие корпорации, богатые и сильные умственно, к тому же либерализму личному вовсе чуждые, могли бы успешно бороться и отстаивать как себя, так и все остальное, носящее на себе печать общинности, против всякого внешнего излишнего давления. Но до этого славяне не дойдут ни посредством съездов или совещаний, ни путем прямых реформ; они могут дойти до этого только дальнейшим горьким опытом, полным разочарованием в европейских идеалах, и вообще, как мы сказали, благодаря гнетущей силе множества обстоятельств... Дай Бог, чтобы наши простые крестьянские общины, сохраняясь до тех пор

неприкосновенными, даже и в грубости своей (*это гораздо вернее*), могли бы послужить началом и первообразом для подобных общин, богатых, развитых и своеобразных.

В заключение приведу здесь замечание одного человека, которого направление с нашим уж, конечно, вовсе не схоже, Эмиля Кастеллара... В журнале «Беседа» (одной редакции с «Русской мыслью») была (если нам не изменяет память) помещена как-то раз одна речь его... Эмиль Кастеллар говорил вообще об «общинах». «Крестьянская община в России, – сказал он, – теснейшим образом связана с самодержавной формой правления этой великой империи».

Я привожу эту цитату, как сказано, на память и прошу извинить меня, если я в чем-нибудь немного ошибся, в каком-нибудь слове или обороте.

Я думаю, что Кастеллар прав. *Поземельная и обязательная форма общины связана с самодержавной формой правления. А индивидуализм рано или поздно неизбежно и даже неприметно ведет к конституции, то есть к полнейшему господству капиталистов, бан-*

киров и адвокатов!

Хорошо ли это?

Примечания

1

Примеч. 1885 г. Я думаю даже, что способность русского народа составлять свободные артели воспитана в нем принудительной поземельной общиной... Осталась привычка к повиновению *миру*, и потому и там, где нет внешнего понуждения или явной, немедленной необходимости, люди все-таки свободно соглашаются *подчиняться* артельной ассоциации. Последствия психические часто даже переживают свои основные причины. Но вопрос – *надолго ли без подновления* этих привычных, воспитывающих влияний?